

А.Н. Шушпанов

ФИЛОСОФИЯ – УТЕРЯННАЯ И ОБРЕТЕННАЯ ДУША ЭКОНОМИКИ

В статье проводится попытка анализа причин вытеснения философии и этики из экономики и возможностей последующего (в наши дни) возвращения. Статья написана к грядущему двухсотлетию со дня рождения Карла Маркса.

Ключевые слова: Карл Маркс, экономика, экономическая этика, новая философия экономики

Keywords: Karl Marx, economics, economic ethics, modern philosophy of economics

Академический год 2017-2018 в России захватывает сразу две знаковые даты – 7 ноября 2017 г. исполняется 100 лет со дня Октябрьской революции, а 5 мая 2018 г. мир отмечает 200 лет со дня рождения одной из самых неоднозначных фигур мировой экономической и политической истории, из трудов и мыслей которой смогло родиться событие первое. Речь, конечно же, о Карле Марксе – переопределившем мировоззрений, мыслителе, абсолютно убежденном в том, что революции возможны – хотя те революции, которые видел он, и терпели отчаянное поражение. Любопытно, что в наши дни этого автора пытаются «присвоить» [6] абсолютно разные институции – и самыми явными претендентами являются социология, экономика и политика.

Сами по себе круглые даты, естественно, привлекательны, но тенденция, которая будет обсуждаться в статье ниже, привлекательна не менее и было бы не лишне поговорить о ней в свете упомянутых событий. Итак, впервые за долгое время ведущие экономисты мира начинают сомневаться в исключительном всевластии формул и определений в поле экономики. Поднимается вопрос о философской проблематике экономики, фактически, впервые осуществляется попытка отыскать в межнаучном поле ответы на наиболее остро стоящие вопросы.

Даже Нобелевская премия, известный флюгер в области научных парадигм, отдает награду по экономике за текущий год Ричарду Тейлеру, профессору в области... психологии. Кратко изложенная суть данной работы – опровержение исторических экономических теорий, особенно часто поднимаемых на щит монетаристами. В работе была разгромлена предположение, что люди принимают экономические решения, исключительно будучи отлично информированными и руководствуясь логикой. Исследование Тейлера показало, что в большинстве случаев это не соответствует действительности и люди часто принимают решения “против себя” [1]. Да, собственно, и как это может соответствовать действительности, если противоречивой информации о любом экономическом

события чрезмерно много, а экономика сама по себе подчас прямо противоречит логике и не подчиняется никаким закономерностям?

Но вернёмся к Марксу, а вернее, к его критике. Даже наиболее яростно критикуемое направление теории Маркса – фактически, воскрешение материализма за счёт привязки его к истории (вовсе не новый ход – но критикуют за него Карла Маркса, а не Адама Смита! [2]), сегодня всё чаще получает освещение пусть порой и с необычных позиций – но вновь получает! А ведь философия Маркса, его антропоцентризм, воссоздание экономической единицы, труженика, работника – исключительно гуманистическая, и эта единица экономическая прежде всего является единицей философской. Маркс хотел, чтобы каждый человек на планете был бы создателем своей собственной жизни, причём счастливым создателем [7]. А что это, как не главная цель, которую тысячелетиями преследуют разные философские школы?

Многие дискуссии о Марксе и его теории сегодня умело дискредитируются и заводятся в тупик посредством ряда эристических уловок, достойных пера Шопенгауэра. Одна из банальных зацепок, которой можно плодотворно манипулировать – оставив за скобками тезис о способности капитала к приспособлению к условиям меняющегося мира и отбросив типичную для современного общества классовую диффузию, закружить оппонента в бесконечной вязкой дискуссии о том, кого в наши дни считать рабочим, кого буржуа, а кого – капиталистом.

Подобные споры разобщают и уводят от главного. Возможно, правильным ходом для получения некоторого понимания в данной ситуации было бы выступление не с позиции определений, а с позиции системообразующих процессов, идущих внутри рассматриваемой фракции. Таким процессом (хотя и не универсальным), например, может быть эксплуатация – Маркс и его последователи много писали о ней, но почти не осветили ряд любопытных форм эксплуатации, присущих современному человеку – просто потому, вероятно, что не могли себе их даже вообразить. В частности, мы не найдём у классиков ничего о маркетингологически подготовленном “эксплуататоре самого себя” – ни слова об “идеальном потребителе», одновременно доставляющем себе самому боль от несбыточных мечт в погоне за овеществлённым будущим и тут же ублажающем себя компульсивными попытками самому от себя откупиться.

Мог ли Маркс предвидеть тотальное сращивание капитала с государственной властью? А неолиберализм, делающий ставку на политические императивы, задавая им приоритет над экономическими [4, 10] – и в конечном итоге уничтоживший саму возможность мысли об утопии, основанной на труде? А финансовализацию капитала, поддерживаемую ростом оборота информационных технологий в области финансовой аналитики, которая вогнала рабочих в долги, а работодателям

позволила создать новые “гибкие” трудовые режимы [13], уничтожившие традиционные гарантии занятости и вызвавшие значительное увеличение рабочего дня почти для всех сегментов населения?

Экономика в наши дни становится специфической вселенной, которая кажется непостижимой каждому, кто не является ее частью или, по крайней мере, никогда ей не был. Но эта вселенная не изолирована, и проявляет склонность вторгаться в повседневный быт обычных людей, вселяя беспомощность и растерянность в души малых сих, у которых при всём желании в голове не укладывается, какое они ко всему этому могут иметь отношение. Невероятная комплексность этих процессов предполагает, что любое простое объяснение, видимо, в конечном итоге окажется неверным. Причём со времен Маркса эти процессы всё реже становятся объектами философского рассмотрения, а со времен Золя и Диккенса их описание еще и нечасто встретишь в доступной среднему уму литературе. Есть лишь небольшое количество изданий на стыке экономики и философии, которыми может воспользоваться любопытный непрофессионал. По меткому замечанию фон Вальвица, “марксизм оставил после себя выжженную землю, на которой даже сегодня едва можно обнаружить редкие всходы” [3]. В начале XX века по этой почве робко прошли Кейнс [8] и Зиммель [5], попытки же Джорджа Сороса [12] сделать нечто похожее из лагеря идеологического противника больше похожи на фарс. Похоже, что философским аспектом экономики после Маркса особенно пристально никто не занимался.

Вероятно, причина кажущегося провала философии в качестве помощницы финансистов в том, что гуманитарные науки, несмотря на весь языковой потенциал и визионерство оказались не в состоянии адекватно описать и объяснить усложняющиеся процессы. Видимо, именно в момент этого фиаско и возникло понимание о необходимости междисциплинарного взгляда. Непосредственно перед этим пониманием подход к предвидению хода экономических процессов сделали даже специалисты по квантовой физике и теории вероятности.

А ведь экономика в том виде, в котором мы знаем и воспринимаем её сегодня – не что иное, как культурный феномен, порождение нашей цивилизации, такой же продукт ее, как и, скажем, электродвигатель. Коренное различие между электродвигателем и экономикой заключается лишь в том, что в случае с электродвигателем мы знаем, откуда он взялся и понимаем принцип его работы, отдельные представители могут разобрать его и собрать. Экономика же включает в себя огромный набор непреднамеренного, спонтанного, неконтролируемого, незапланированного [9]. Можно вспомнить, что до обретения статуса самостоятельной науки она существовала как подраздел философии – также как этика, например. За тысячелетия с этого момента экономика создала представление

о себе, как о математизированной науке про распределение благ и ресурсов, а вместе с этим приобрела поистине позитивистское высокомерие по этому поводу.

Позитивизм в области в конечном итоге породил монетаристов с их нерабочими метафорами про *невидимые руки* и *лодки, поднимающиеся в прилив*. В конечном итоге, 2008 и 2014-й годы убедительно показали, что невидимая рука, как в фильме ужасов, вполне способна вцепиться в горло (более того – проявляет к этому изначальную склонность), а за приливом всегда следует отлив с его живописным разнообразием подводных камней. Упомянутый выше фон Вальвиц при описании финансовых рынков вскользь шутит о том, что в отлив отчётливо видно, кто ранее плыл голым [3].

Вселенские амбиции экономики, ее стремление распространиться в своем влиянии на все сферы жизни, приводят к тому, что человечеству *volens nolens* придётся попытаться вырваться из очерченной области знаний и действительно попытаться *осмыслить абсолютно всё*. И конечно, в этом случае бóльшая область знания должна в действительности подразумевать бóльшую социальную ответственность.

На этом пути мы вряд ли должны задаваться извечным вопросом о принципиальной работоспособности экономики. Более правильным было бы спросить себя – работает ли экономика так, как мы этого от неё хотим? Дискуссия на тему, *действует* ли что-либо, сама по себе не несёт смысла без уточнения сути и цели существования обсуждаемого – и только относительно них мы можем судить, (не) происходит ли то, что происходить (не) должно. Таким образом функциональность экономики нормативизируется относительно человечества.

К сожалению, упомянутое выше обособление и усложнение процесса в конечном итоге приводит к заключению, что экономика, как инструмент, кажется, начинает обретать свой собственный, доминирующий смысл жизни. Соответствующие метафоры – оживление голема, восстание раба лампы, выход из повиновения чапековских роботов; извечный человеческий нарратив о выходящем из-под контроля орудии, о восстающем против господина слуге в очередной раз сбывается. Самое печальное в том, что, очеловечивая понятия “рынок” и “экономика”, наивные визионеры в своих описаниях ждали от них человеческой морали и саморегуляции – но как вообще можно было ожидать человеческих качества от инструмента, из которого эти качества сознательно вытраивались столетиями?

Томаш Седлачек, говоря о том же, сравнивает экономику с телом, а этику – с душой, далее говоря о том, что душа, оторванная от тела (“призрак”), является «воплощённым страхом, упрекающим суперэго, нереалистичным, притязательным, хотящим от тела слишком многого, больше, чем это тело может ей предложить» [11].

Современники слишком самоуверенно отклонились от принципов, на которых должна была стоять хозяйственная политика. Кредитный психоз привёл к тому, что человечество три десятилетия подгоняло экономический рост долгами – не задумываясь ни о моральной стороне процесса, ни о том, насколько необходим экономический рост сам по себе.

Интересно, что даже осознавая упадочность этого пути, человечество не пытается с него свернуть. Честный учёный должен вернуться в ту точку, где была допущена оплошность и исправить её, прежде чем двигаться дальше. Надежды на то, что мир извлёк уроки из нескольких состоявшихся кризисов, практически не осталось. Хуже того – “хорошие времена” по завершению острой фазы кризиса не самая благоприятная пора для размышлений и исследований, а излишняя самоуверенность в это время (“но мы же преодолели кризис!”) не предполагает никакого “покаяния” с последующей сменой пути.

От философско-экономических вопросов справедливого распределения капитала нам было позволено себе откупиться взяткой экономического роста. В итоге человечество оказалось заложником собственноручно созданной ситуации – если богатеют все, то лучше не спрашивать, каким образом это происходит. Но если вдруг мы богатеть перестали или начали беднеть – мы вдруг становимся гораздо более чувствительными к справедливости. Возможно, именно из-за этой асимметрии мы оказались там, где мы есть [14].

Характерно и печально, что “спасатели”, призванные воззвать и отстоять ту самую социальную справедливость, современные “левые” делятся на два больших лагеря – один из них (преимущественно состоящий из “старых левых”) охвачен отчаянием и растерян, а второй упорно избегает “большого нарратива”, настаивая на необходимости почти бесполезных (но крайне зрелищных и радикальных!) точечных реформ, одноранговых производств и странным образом направленных акций протеста. И нам в действительности пора вспомнить Маркса, потому что он указывал нам совсем в другую сторону.

Нельзя сказать, что человечество обречено – за пределами рынка воздвигается пока еще слабый конструкт, новый путь, основанный на построении нерыночного производства и обмена. Явственно его можно видеть пока что только в информационных технологиях, но удешевляющееся производство и автоматизация, помимо своих негативных аспектов, имеет и некоторые преимущества в осуществлении операции возвращения этики в экономику [15].

Возникает задача – пройти по “выжженной земле”, взвесить, проанализировать и дополнить изначальные предпосылки, исправив недочёты, заполнив пустоты примерами. Нужно сказать, что эта работа не стоит на месте, окончательные выводы же, как всегда в любом большом и трудоёмком исследовании, не следует делать по промежуточным этапам.

Следует ещё проделать множество шагов в странной и трудной операции по возвращению души в тело. Следует как минимум понять и принять ограничения человеческой воли перед лицом сложной системы тела и тестировать все экономические предложения в небольшом масштабе и многократно моделировать их в макроэкономике перед внедрением – только такая практика может быть критерием истины.

Литература:

1. Press Release: The Prize in Economic Sciences 2017 // Nobelprize.org The Official Site of the Nobel Prize URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2017/press.html (дата обращения: 29.10.2017).
2. Вальвиц, Георг фон. Мистер Смит и рай земной. Изобретение благосостояния. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 176 с.
3. Вальвиц, Георг фон. Одиссей против хорьков. Весёлое введение в финансовые рынки. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 192 с.
4. Гребер, Дэвид. Утопия правил. О технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 224 с.
5. Зиммель, Георг. Философия денег. // Теория общества. Сборник. Вступ. статья, сост. и общ. редакция А.Ф. Филиппова. — М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2009.
6. Изгер К.А. Марксу 190 лет. Что же дальше? // — М.: Бенефициар. — 2008. — с. 8-14
7. Карл Маркс как философ // Подкасты Радио Маяк URL: <http://radiomayak.ru/shows/episode/id/1190944/> (дата обращения: 29.10.2017).
8. Кейнс, Джон М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
9. Мейсон, Пол. Посткпитализм: путеводитель по нашему будущему. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 416 с.
10. Пикетти Томас. Капитал в XXI веке. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 592 с.
11. Седлачек, Томаш. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 544 с.
12. Сорос, Джордж. Алхимия финансов. — М.: ООО “И. Д. Вильямс”, 2013. — 352.
13. Стэндинг, Гай. Прекариат: новый опасный класс. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 328 с.
14. Шушпанов А. Н. Дистопия коммуникативной эпохи: возможные причины // Вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. Гуманитарные и социально-экономические исследования. — Т. 1 из Выпуск VII. — 2016. — С. 116–124.

15. Шушпанов А. Н. Посткапитализм с нечеловеческим лицом: экономико-социальные перспективы // “Человек. Образование. Наука. Культура.” VII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов. Материалы и доклады. — 2017. — С. 41–44.